

АЛЕКСЕЙ СЕРОВ

ЗАПИСКИ ДЛЯ ПРИЕМНЫХ РОДИТЕЛЕЙ

что нужно знать людям перед
принятием ребенка в семью

Моим клиентам.
В первую очередь тем,
кто так и не дал о себе знать
после первой встречи.

Оглавление

Предисловие	5
О приемном родителе	9
Мотивация.....	9
Идеализация	24
О ребенке	36
До детского дома	36
В детском доме	46
Все ещё в детском доме	49
О семье	55
Знакомство с ребёнком	55
Мы приезжаем домой	58
Как готовить родных и себя?	61
Прошло некоторое время.....	65
Ошибки	70

Страхи и опасения 74

Р. S. 84

Предисловие

Если вы открыли эту книгу — на то были причины. Вы, вероятно, считаете, что хотели бы стать приёмным родителем. Возможно, вы считаете, что в мире слишком много всего «неправильного» происходит, и хотите положить этому конец, устроив жизнь хоть одному небольшому человеку. А, может, вы открыли эту книгу «из вредности» просто потому, что любите открывать новые книги.

Если же вы будущий приёмный родитель (или нынешний), я хочу обратить ваше внимание, что через всю эту книгу, так сказать, красной нитью проходит мысль о помощи приёмным родителям со стороны специалистов. Мысль эта проговаривается мною везде, где только возможно. Потому что мысль эта — единственный в современных условиях способ поддержания приёмного родителя.

Вы можете не согласиться со мной. Вы можете сказать, что в вашем городе или области нет хоть сколько-то умелых и знающих специалистов,

разбирающихся в тонкостях приёмных детей и обладающих психологическим образованием. И в чём-то вы будете правы.

За 2018 год мы с коллегами посетили почти 20 муниципальных образований Калининградской области. То есть, за год мы провели семинары по всей области. Если город был крупный, в него приезжали приёмные родители из соседних городов. Если родителей в маленьком городе было много, мы приезжали в него отдельно. Это был сложный, интересный и большой опыт.

И то, что мне бросилось в глаза за этот год, — отсутствие специалистов. И не то чтобы специалистов мало, их попросту нет. В 16-17 городах из 20 нет ни одного специалиста, который бы разобрался в теме приёмных родителей.

Поймите меня правильно, я не хочу оскорбить кого-то из коллег. Я хочу лишь указать на довольно очевидный момент — приёмным родителям нужна помощь и нужны те, кто эту помощь будут оказывать.

Пользуясь случаем, хочу сказать слова благодарности родителям, пришедшим на наши

семинары. Временами мне казалось, зачем я вообще на это подписался. Временами, мне хотелось уйти из профессии. Я видел вопиющие случаи безграмотности как самих родителей, так и специалистов, оказывающих им сопровождение и поддержку. Я видел результат абсолютного выгорания родителя, который превращал (на моих глазах) свою жизнь и жизнь своего (правда, приёмного) ребёнка в кошмар. Я видел много родственников, которые в страхе порицания и осуждения брались за то, чего не хотели. Видел, как этих родственников буквально тошнит от их детей, как они выбрасывают их с нескрываемым облегчением.

Временами я видел родителей, которые обескураживали меня своим профессионализмом и педагогической, психологической эрудированностью. Мне становилось неловко, находясь в двухстах километрах от областного центра, слышать грамотное и чёткое использование терминов и номенклатур. Неловко, но очень радостно. Я видел, как люди развиваются духовно, приближаются к Богу (или кому-то ещё) не с помощью молитв, ритуалов и амулетов, а с

помощью искреннего общения со своей семьёй и ребёнком.

Спасибо вам за те вопросы, сомнения (в том числе и во мне!), которыми вы делились с нами. Это бесценно.

Но! Несмотря на отсутствие специалистов, есть выход. Родители могут объединяться в небольшие (или большие) группы. Родители в этих группах могут как помогать друг другу, так и обращаться за помощью. На сегодняшний день это наиболее резонное решение.

О приемном родителе

Мотивация

Идёт первое занятие группы по подготовке граждан, желающих взять на воспитание ребёнка, оставшегося без попечения родителей. За окном середина зимы (что довольно условно в Калининграде).

Всё проходит в довольно рядовом режиме. Мы с коллегой задаём обычный вопрос для каждого: «Для чего вы пришли?»

И, сомневаясь, люди начинают говорить. Первая встреча всегда проходит сконфуженно, вязко. В ней все присутствующие (буквально все — специалисты тоже) чувствуют себя неуверенно, волнуются и стесняются. Но говорить все равно начинают.

— Я хочу стать приёмным родителем, — начинает женщина лет сорока, — у меня есть и работа, и квартира, но детей нет.

— Мы с мужем очень хотим взять маленького ребёнка из роддома, — говорит женщина, крепко держа за руку мужчину, который смущённо смотрит то в пол, то на дверь.

И так далее.

Смотрите. Очень простой вопрос: «Как вы считаете, в чём нуждается любой ребёнок в возрасте 2-5 лет?» Какие могут быть ответы на этот вопрос? Перечислю: в любви, в заботе, в игрушках, в сладостях, в развлечениях, в совместном досуге и так далее. Но если сдвинуть фокус, чуточку качнуть маятник, заявить родителям, что это все чудесно и правильно, но вспомните, пожалуйста, то, что называют истериками, трудным поведением и тому подобное. В чём тогда нуждается ребёнок? В тот самый момент или рядом с ним.

И тут, наконец, становится интересно. Родители начинают говорить о том, что ребёнок более чем в игрушках, нуждается в жесткости со стороны взрослого, нуждается в том, кому он сможет

подчиняться, в том, кто сможет удержать его в ежовых рукавицах. То есть, вы понимаете, насколько иначе всё начинает играть? Тут не просто партитуры поменяли у инструментов, тут новую композицию взяли.

Другой пример. Стандартное: «Как бы вы отнеслись к выбранной ребёнком профессии? Партнеру?» Начинается стандартное: «Я чудесный принимающий родитель, всё, что ребёнок сделает, — хорошо». А если эта профессия будет низкооплачиваемой и он остаток жизни будет просить у вас денег? Тогда плохо. То есть, важна не профессия, а факт того, чтобы перестать давать деньги ребенку? Нет, говорят. Тогда что? И тут мы приближаемся (можете посмотреть в окна с правой стороны) с некогда красивому зданию под названием «родительский нарциссизм». Это здание было построено ребёнком одного местного купца. Ребёнок мечтал, чтобы купец гордился им. Вот только у нас всё наоборот. Родитель инвестирует, чтобы потом гордиться и восхищаться.

Такое вот раскачивание, дестабилизация работает в самую первую очередь для того, чтобы человек

разобрался, что он делает, где находится и чего хочет.

«Я беру в семью приёмного ребёнка, потому что не могу видеть, как дети страдают без родителей».

Правда? То есть, где-то и кто-то это видит?

Почему на самом деле? Я хочу стать лучше, выделиться, встать над остальными. Сказать себе и всему миру: «Смотрите! Я МОГУ делать вот так».

Мотивация — это то, почему я хочу чего-то. И тут важно как раз слово «почему». Именно оно (это слово), с одной стороны, — понятный и простой механизм, а с другой — целая наука.

По сути, вся психология создана для ответа на два вопроса «почему?» и «что дальше?». Ребёнок ворует — почему? Что с ним будет дальше, как будет развиваться симптом в тех же условиях? Можно, конечно, играть с этими словами, спрашивать, что заставляет ребёнка воровать, что происходит внутри ребёнка, приводящее его к воровству. И эти вопросы, безусловно, будут наилучшим образом уточнять ситуацию, но мы всё

равно будем оставаться внутри пресловутого «почему?».

Ребёнок не понимает обращённую речь. Почему? Мать не может говорить с ребёнком. Почему? И, согласитесь, несмотря на простоту этого вопроса и его ненаучность, он звучит вполне корректно.

В ситуации с принятием в семью ребёнка, любой обыватель задаётся вопросом «почему?». Почему гражданин А. решил вообще взять в свою семью приёмного ребёнка? И вопрос этот многих приёмных родителей злит, расстраивает и словно вызывает на нравственную дуэль.

— Как можно вообще спокойно жить, когда знаешь, что существуют детские дома, в которых дети находятся совершенно одни? — восклицает одна участница группы ШПР.

— Но есть ведь ещё дома детей-инвалидов, — парирует другой участник, — вы ведь не хотите сказать, что и детей-инвалидов собираетесь брать?

— Но Бог учил нас помогать ближним! — спорит третий участник.

— Подождите, — говорит четвёртый, — вы берёте в семью ОДНОГО ребёнка. Причём тут Бог?

— Но если каждый возьмёт по одному ребёнку...

Этот спор бесконечен. Почему? Потому что аргументы не правдивы. Потому что «помогать ближнему» можно десятком, а то и сотней разных способов. Потому что фраза о «несчастных детях» одного человека рождает у другого сотню вопросов в ответ. В конце концов, потому что на детских домах тяготы нашего мира (и даже нашей страны) не заканчиваются: дома престарелых, многодетные семьи, семьи с детьми-инвалидами, дети с неизлечимыми или тяжелыми заболеваниями, семьи после пожара, бездомные и больные животные, лесные пожары. Этот список можно продолжать ещё долго.

Желание стать приёмным родителем рождается у всё большего числа людей. Людей, занятых помощью в доме престарелых, меньше. Людей, желающих взять в семью ребёнка-инвалида, меньше, чем здорового и красивого. Почему? На это несколько причин.

Вопрос, который задают обыватели, глядя на приёмную семью, почему люди решили взять приёмного ребёнка, задают тысячи специалистов по всей стране. Более того, этот вопрос является прямой профессиональной обязанностью этих специалистов. Я говорю, конечно, о службе подготовки лиц, желающих взять на воспитание ребёнка, оставшегося без попечения родителей (ШПР — в народе). Людям платят деньги за этот вопрос ежедневно. Психологов всей нашей страны, занятых в ШПР, ежедневно спрашивают: «Почему гражданин А. решил взять в семью приёмного ребёнка?» И этот вопрос чрезвычайно правильный.

Какие варианты ответа на данный вопрос?
Вариантов несколько.

Материальные трудности семьи

Это может показаться странным или оскорбительным, но есть люди, которые берут приёмных детей для получения «выгод». Вам кажется, что ежемесячная выплата в 8-10 тысяч — это мало? А теперь представьте, что живёте вы в

деревне и большинство продуктов у вас, что называется, свои. И теперь умножьте эту сумму на 5, на 6, на 7... В деревне, имея хозяйство, взять 7 детей — не такая уж и проблема, зато выгоды прямые: рабочая сила, выплаты. И, прошу, не нужно обижаться на меня. К моему величайшему сожалению, я видел немало таких семей.

Пограничные расстройства и психопатологии

Семья из матери шестидесяти пяти лет и сына-инвалида сорока лет сообщает: «Мы хотим взять девочку. Видите ли, у моего сына, — говорит мать, — есть много нерастроченной любви. Девочку хотим взять, потому что девочки более нежные, ласковые». У вас тоже появились сомнения относительно потенциальной сексуальной эксплуатации несовершеннолетних? Почему? Потому что налицо, как минимум, странный запрос. И таких, у сожалению, немало. В таком случае, ребёнок, естественно, не воспринимается как живой, отдельный человек. Спешу утешить, что большинство таких семей не получают на воспитание ребёнка.

Невозможность зачатия ребёнка

Случается такое, что пара, у которой не появляется их собственный ребёнок, хотят взять на воспитание ребёнка «чужого». Это понятный и объяснимый мотив: желание быть родителем есть (в норме) у всех живых существ. Очень многое в данной ситуации, конечно, нужно прорабатывать, очень о многом поговорить.

Например. Молодая и довольно успешная семья. Оба очень хотят детей, но никак не получается. Решаются на приёмного. О будущем приёмном ребёнке говорят охотно, но довольно неоднозначно: «Мы хотим девочку, чтобы была похожа на нас. Чтобы ей было до 1 года. Чтобы скрыть факт усыновления».

Потом признаются, что хотят «переименовать» ребёнка, ибо только так можно сделать «своим».

Почему? Потому что они хотят родить, а не спасти, помочь или поддержать ребёнка.

Предвижу вопрос: что тут плохого? Позже разберём.

Мой ребёнок уехал от меня

Мой ребёнок (или дети) выросли и стали жить своей жизнью. Я хочу продолжать о ком-то заботиться, кому-то помогать и делать, в конце концов, что-то хорошее.

Это очень благородно! Это здорово и похвально!
Но!

Тут очень важно оценить свои силы. Нужно понимать, могу ли я изучать что-то новое о детях (а дети, оставшиеся без родителей, имеют-таки свои особенности), готов ли я пройти ещё раз через проблемы подросткового возраста (а они будут), готов ли я взять ребёнка старше 10 лет. Последнее важнее всего. Это одно из правил: разница в возрасте между ребёнком и родителем (в идеале) не должна быть больше 30 лет. Это в идеале. Проблем меньше будет.

Мой ребёнок погиб

Такое, к сожалению, тоже случается. Мой ребёнок (рождённый или не рождённый) умер, и я хочу усыновить ребёнка. Не буду ничего говорить, кроме: минимум год после трагедии + столько же психотерапии = возможность приёма ребёнка в семью. Лично я не дал бы возможности принятия ребёнка в семью, пережившую утрату, без указанных условий (не прошло года с момента потери, нет психологической помощи семье).

Религиозный мотив

Стоит знать вот что: одной религии мало. Я искренне верю, что священнослужители каких угодно церквей имеют те же самые убеждения и, услышав от кого-то из паствы подобное желание, порекомендуют взвесить все за и против, поговорить с психологом ШПР и оценить свои силы. Другое дело, когда религия становится ОДНОЙ ИЗ опор человека наряду с педагогикой, психологией, медициной. Тогда получается, что вера во что-то может стать ресурсом для человека и семьи. Тут всё положительно, без сомнений. Но,

так бывает не всегда. Есть случаи, когда человек отрицает и медицину, и педагогику, и психологию. Есть Бог, говорит человек, и он (Бог) сказал помогать ближним. Я буду помогать, взяв ребёнка в семью. Вот тут не так всё положительно и сомнений немало.

Что скажет этот человек, когда ребёнок начнёт воровать? Что скажет этот человек, если ребёнок не будет всем сердцем искренне верить в Бога (а такое, кстати, случается)?

Одиночество

Одинокая женщина (или мужчина). С личной жизнью как-то не сложилось. Родители далеко, и отношения с ними не лучшие. Жизнь выстроена и налажена. Но чего-то не хватает. И принимается решение взять в семью ребёнка. Ничего страшного или криминального в таком мотиве нет. Но сопровождение психолога и беседа будут очень кстати.

Наша семья хочет помочь ребёнку (или нескольким детям)

В нашей семье один или несколько детей. У родителей есть работа, дети немного подросли, у нас есть жильё, достаточное количество денег (в РФ понятие относительное, разумеется). Мы хотим помочь ребёнку, дав ему возможность и шанс прожить жизнь в семье, получить образование, занять близких людей. Мы понимаем, что у этого ребёнка уже есть свои мама и папа (если не умерли), может быть, бабушки и дедушки. Мы не хотим его лишать родных, они смогут общаться, когда захотят. Мы понимаем, что этот ребёнок плохо успевает по большинству предметов. Мы не требуем от него больше, чем он может и способен. Мы хотим лишь, чтобы он смог на нашем примере и с помощью нас научиться, понять, что семья — это хорошо, что людям можно доверять, что близость — это не боль и разочарование, а счастье и радость.

Примерно так можно ответить на вопрос, почему люди берут в семью ребёнка. Не все ответы чистые и светлые. Но это только потому, что не всегда желание взять ребёнка в семью — что-то чистое и светлое. Бывает, что это желание корыстно. Бывает, что это желание продиктовано материальной выгодой.

Я (и любой психолог) был бы очень рад, если бы постарались искренне посмотреть на свое желание и ответить себе «почему?». Не нужно думать, что я вижу в вас априори что-то не то. И вы, в свою очередь, не ищите в себе не то желание. Постарайтесь лучше быть честными с собой. И пусть у вас получится одиночество ведущим мотивом. И что? Это же не делает вас плохим. Так же, как желание взять ребёнка в полную семью не делает человека хорошим. Если именно одиночество становится движущей силой вашего желания (хорошего, светлого желания!) — это значит, что вы одиноки. Не более и не менее этого. А одиночество само по себе не имеет валентности.

Или если вы находитесь в той нелегкой ситуации, когда зачатие ребёнка невозможно или не получается, не думайте, что это помеха для принятия ребёнка в семью. Приёмный ребёнок

может стать спасением и принести много радости в ваш дом! Но не забывайте лишь о том, что ребёнок этот приёмный (со своей историей, характером, травмой, болью, горем и так далее). Моим или не моим ребёнка делает не фамилия и отчество. Ребёнка делает действительно моим чувство взаимной привязанности, любви, если угодно.

Родственные отношения

Родственник погиб или по разным обстоятельствам не может воспитывать своего ребёнка (моего родственника). Я принимаю решение взять ребёнка на воспитание в свою семью.

Этот мотив понятен, но сложен. По моему опыту, чаще всего, принимая такое решение (взять на воспитание родственника), обсуждение в семье проходит недостаточно. Чаще один из членов семьи ставит перед фактом всю семью. То есть потенциальные риски в виде целой вариации семейных конфликтов.

Идеализация

«Когда в моей семье появится девочка, я смогу научить её всему, что умею!»

«С приёмным сыном мы будем рыбачить, охотиться и строить дом!»

«Я хочу дать ребёнку высшее образование, а потом он сам примет решение, чем ему заниматься».

«Мы будем всей семьей ужинать, ходить в поход и кататься на коньках!»

«В нормальных семьях никогда не кричат на детей!»

«Я не понимаю приёмных родителей, которые возвращают детей обратно в детский дом! Это не люди!»

Это идеализация. Фантазия о жизни.

Идеализация (в общем смысле) — преувеличение значимости чего-либо с одновременным отрицанием вероятности провала. Я говорю, что

встретил идеальную женщину, и описываю её в поэтических терминах. Я говорю, что в какой-либо стране сказочная жизнь без бедности и преступности. Это тоже идеализация.

Все люди склонны к идеализации чего-либо. Это нормально. К сожалению, именно задача психолога сбивать идеализацию относительно приёмных детей и приёмной семьи в целом.

Почему?

Небольшой город. Меня, как часть службы сопровождения замещающих семей, приглашают для беседы с приёмной семьёй. Четырнадцать лет девочка жила в приёмной семье. На момент беседы ей 16. Ее усыновили, скрыв сей факт от неё самой. Месяц назад семья (мама и папа) подали исковое заявление в суд. Они просят отменить усыновление, вернув девочке фамилию, имя и отчество. Опекун просит меня разобраться в причинах более подробно. Главное, ответить на вопрос: «Есть ли вероятность все вернуть?»

Симпатичная девушка 16 лет. Занимается музыкой с детства. Мечтает стать звездой. Плохо учится. При этом курит, несколько раз за два последних года

приходила подвыпившая, встречается с парнем (мама водила её к гинекологу и выяснила, что секса не было). Видно, что девушка не хулиганка, при этом не ангел. Обычный такой подросток, коих миллионы.

Спрашиваю у директора и классного руководителя: «Как она?», имея в виду учёбу и поведение. Наперебой рассказывают о курении и алкоголе. Спрашиваю: «Так вы её чего в полицию на учёт не ставите или в ЦВСНП не закрываете?» Говорят: «Ой, что вы, что вы! У нас похлеще есть, чем она! Не так всё страшно!»

Встречаюсь с мамой. Обычная женщина. Заранее настроена на разговор со мной, сделав лицо каменным. После недолгих расспросов, говорит следующее: «Мы устали. И я, и муж».

По сути, вот и весь её ответ. Думали, что будет иначе. Когда была маленькой, была «ручной», а сейчас домой не затащишь. Грубит, хамит. Думали, что будет музыкой заниматься, а ей так трудно даётся, что либо из-под палки, либо бросает сразу (про себя подозреваю астению, видя её чуть раньше «живьём»). Да, мечтает стать певицей, но нужно же заниматься! А она не хочет.

— Есть ли шанс, что вы передумаете?

— Нет.

— Почему?

— Мы перед подачей заявления в суд сильно поругались, я ей сгоряча рассказала и про усыновление, и про всё остальное. Теперь назад уже нет дороги.

— Понимаете, — спрашиваю, — что в 16 лет в детдом попадёт?

— Да. Там ей лучше будет точно. Там с ребятами-ровесниками общаться будет.

Я, кстати, через полгода после этого устроился в детдом (центр) и там её встретил. Девочку, конечно, не маму. Звездой ей не стать. Ну, если только удача великая какая. Я тогда впервые увидел, как она поёт, как занимается, увидел её успехи в учёбе. Мама тогда умолчала, а я из карты медицинской узнал, что у девочки было перинатальное поражение ЦНС. К слову, этим можно объяснить многие мамины фразы «из-под палки», «учёба трудно даётся» и так далее. Если коротко, девочка не тянула просто. Нужно было

правильно выстраивать педагогическую модель, а не копить злость. Ну, это опять же мои проблемы.

Идеализация, как бы она ни выглядела безобидной (ой, ну поживем, и перестану идеализировать), — это страшнейшая сила. Эта сила сперва толкает взрослого человека на что-то вроде:

- смены фамилии, имени и отчества ребёнку;
- сокрытия факта усыновления;
- переезда;
- принятия в семью ребёнка без подготовки и анализа ситуации.

Так ещё и после всего этого продолжает мучать этого же взрослого, но уже в виде:

- игнорирования условий развития ребёнка и его состояния в целях «педагогических высот»;
- несоответствия технологий и техник воспитания реальным возможностям и способностям ребёнка;
- отрицания значимости специалистов, их знаний и умений (хорошие родители не испытывают проблем в воспитании и обучении).

Вот, что получается. Есть взрослый, он решился на принятие в семью ребёнка. Есть куча специалистов, которые могут дать что-то полезное (если не имеют своей головы, то хоть учебники могут процитировать с листа). И логично было бы, если бы (ох, сколько «бы») родитель пришёл к специалисту, послушал, узнал, пошёл бы к ребёнку, взглянул бы на него реально и сказал: «Дружище, ты практически ноль в базовых знаниях, ты ноль в быту. Ну, что поделаться, будем навёрстывать, насколько сможешь. Звезд мне не нужно!»

Как это выглядит в жизни. Взрослый приходит. Слушает курс ШПР. Уходит. Приходит в детский дом (или на сайт). СЕРДЦЕМ СМОТРИТ НА РЕБЁНКА (это так одна мама сказала: нужно сердцем выбирать приёмного ребёнка). Видит чудесного ребёночка, несчастного и брошенного всеми. Приходит домой. Пытается ребёночка научить «правильному», а ребёночек не учится никак. И взрослый думает: «Ну, щас годик-другой, и будет учиться и вести себя как надо». Годы идут, ребёночек уже не кажется несчастным и брошенным, а видится «неблагодарной сволочью». Уже несколько лет потрачено

несчастливым родителем на попытки «выправить» ребёнка.

Это обычная ситуация: ребёнка пытаются «исправить», не получается — возвращают. За почти 10 лет моей только работы таких историй сотни. Бабушки, тётки, дедушки, дяди, сёстры и братья, посторонние. Правда в том, что все возвращают детей, независимо от образования, статуса, возраста и, казалось бы, ума.

У всех, кто, как мне кажется, пострадал от идеализации, есть одна общая черта: отсутствие сторонней своевременной помощи. Вы, безусловно, можете меня обвинять в предвзятости, ангажированности, мол, ну, понятно, все психологи себя рекламируют.

И мне кажется, что самую суть этой помощи понимают не все. Некоторым видится, что родитель, приходя на приём, встречается с психологом, который говорит нечто вроде: «Так-с, так-с, ну и кто тут у нас облажался? А тебе говорили, что будет трудно. Чё ты хотел? Ну, вот так вот, да. Ребёнок себя странно ведёт? Так, а ты вообще хоть что-то о воспитании знаешь?»

Почему я так говорю (что людям видится работа с психологом в подобном ключе)? Потому что очень часто, когда родители приходят на приём, они злятся. Они не готовы слышать и слушать. Словно в их фантазии о грядущем приёме я уже их унизил, а они уже оскорбились. (Я понимаю, что внутри родителя работают другие механизмы, сопротивление, но говорю именно о внешнем проявлении).

Говорить о трудностях сложно. Признать, что что-то не получается, в чём-то я не настолько хорош (это и есть идеализация), трудно.

Мысль, которую бы я хотел сказать родителям: представьте, что ничего не изменится никогда. Ребёнок, которому сейчас 6, будет вести себя точно так же до 60-ти. Изменится лишь возрастная манифестация (выражение) того или иного качества, проблемы. Но как не мылся, так и не будет мыться. Как психовал, так и будет психовать (взрослые тоже психуют, так что легко представить). И на этой основе вопрос: что вы будете делать?

Обычно, люди начинают говорить — продолжать попытки изменить ребёнка. Ну а если не

получится? Если допустить как данность вот такое вот поведение ребёнка?

Я веду к тому, что в такой ситуации (когда поведение не нравится) нужно не судорожно читать «что-нибудь по психологии». В такой ситуации нужно думать над главным: откуда я буду брать ресурс, чтобы это поведение терпеть. Как бы это ни звучало, это единственный выход.

В этой связи я вспоминаю одну маму. У её ребёнка аутизм. Ему 9 лет. И вот послушайте только, какая она умница:

— Он (сын) поздно говорить начал. Речи не было вообще. Мы перепробовали, конечно, многое, но я уже смирилась даже. Мы жестами классно общались. И вот, ему 6 было, он как давай на остановке матершинное слово орать! Люди все на него смотрят, недоумевают, а я стою счастливая! ГОВОРИТ!

Что тут ключевое? Во-первых, то, что смирилась. Видя её, то, как она крепка духом, можно предположить, что смирилась не в христианском смысле (т. е. приняла как волю чью-то), а в смысле «ну и не говори, давай так будет учиться

общаться». Иными словами, отсутствие речи у ребёнка стало не камнем преткновения и не предметом для коррекционной работы, а данностью. То, что ребёнок не говорит, стало фактом, определившим коммуникацию (давай так учиться говорить).

Во-вторых, она показала мне пример стратегии «меньшее — лучшее». Это такой прием, при котором какая-то большая цель делится на небольшие и реальные пункты и выкидывается вовсе. То есть, при этом способе радоваться можно не только тому, что ребёнок окончил школу, но и тому, что просидел весь урок, не залезая под парту. Или, как в случае этой мамы, ребёнок с диагнозом аутизм, заговорил (хоть и матом) — победа! То, что даже при наличии речи, он ещё ой как сомнительно что социализируется, — понятно. В таком случае, социализация — глобальная цель. Она делится на речь, установление контакта (а это не одно и то же, что и речь), умение выполнять инструкции и т. д.

Как бороться с идеализацией? Единственным доступным человеку средством: видеть в себе своего рода специалиста. Я вот о чём, в РФ приёмный родитель после прохождения

подготовки ВЫБИРАЕТ себе ребёнка. В чём проблема? Когда я выбираю ребёнка, я неизбежно идеализирую, я представляю себе картинки, глядя на фото: «а вот этот ребёнок, похоже, добрый», «ой, а у этого глаза, как у меня». Это я молчу ещё о самой системе такого выбора, который больше подойдёт до супермаркета или овощебазы (смотри сайт усыновите.ру). Что ещё? Я выбрал ребёнка и получаю весьма расплывчатую и смазанную картину о нём. Помогает ли это мне предупредить будущие трудности? Нет. Даже наоборот. Это грубо прозвучит, но вся эта ситуация похожа на выбор фрукта, который ты ни разу не ел. Понравился красивенький и ровненький? Фиг — этот фрукт вкуснее тогда, когда он несвежий с виду и мятенький.

Что было бы лучше? Что бы помогло родителям?

Проблем, я уверен, было бы меньше, если бы весь процесс подготовки, процесс выбора и устройства ребёнка проходил в парадигме: у государства не хватает рук; система детского дома убыточна и несовершенна; единственный способ отдать эту обязанность в частные руки (своего рода подряд). И тогда было бы:

— Гражданин Н. У вас образования педагогического и психологического нет, но есть пройденный обязательный курс подготовки, где вы получили хорошие отзывы, поэтому вот вам Машенька 7 лет. С ней вы справитесь, но нужно встречаться с нашим психологом раз в такое-то время

— Гражданка М. У вас педагогическое образование, вам мы Петька 13 лет. Сложный, непростой, но вы справитесь. Встречи с психологом тогда-то и тогда-то.

Почему с психологом? Потому что это (надеюсь, что пока) единственный человек, который понимает, что в семье происходит и почему. Если такими знаниями будут обладать специалисты опеки — потрясающе!

Иного способа для борьбы с идеализацией, кроме профессионального отношения (со всех сторон) к приёмному родителю, нет.

О ребенке

До детского дома

Пока не изобретено и не внедрено в широкое употребление способов искусственного взращивания человеческих детёнышей, люди появляются одним и тем же способом: размножением двух особей.

В шутку ли, но занятие это принято называть «любовью». Есть такое устойчивое выражение, как «заниматься любовью». Мужская и женская особь «любят друг друга», в результате чего появляется зародыш в утробе женской особи. Там этот зародыш превращается в человеческого детёныша, матерью благополучно (или не очень) вытесняется из утробы и начинает жизнь в воздушном пространстве той или иной местности на планете.

Дети, живущие в детском доме, поверьте, появляются тем же самым способом. То есть, мама

и папа ребёнка из детского дома любили друг друга. Они занимались любовью и произвели внутри матери все те же операции, что и наши родители. Они так же волновались, что-то планировали. Иногда о чём-то мечтали.

Давайте, я расскажу немного о родителях тех детей, что живут в детском доме.

Есть мама одного подростка. Довольно симпатичная девушка лет 30. Она сама родилась в семье бедной и пьющей. Родители не слишком хотели ухаживать за ней, поэтому она рано начала пробовать разные вредные вещества. Перепробовав многое, остановилась на наркотиках. Вероятно, именно они ей пришлись по вкусу. Употребляя наркотики, она осталась тем же, по сути, ребёнком. Так же ей хотелось внимания и заботы. Так же ей нужно было утешение и поддержка. По этой причине она соглашалась, когда парни и мужчины предлагали ей ласку, утешение и заботу. Результатом одного такого согласия стал симпатичный мальчик.

От действия разных вредных веществ, которые она ела, пила и вводила шприцем, мальчик родился вялым и болезненным. Ей приходилось часто

обращаться к врачам. Но ей хотелось быть хорошей матерью, поэтому она обращалась к этим врачам и лечила сына.

Ей очень сложно было побороть страсть к наркотикам. Она пыталась заставить себя бросить, но все складывалось так, что ей «приходилось» есть, пить и шприцем вводить разные вещества. Ребёнка она не бросала на улице, а оставляла соседке. Или маме (чего ей не очень хотелось, потому что мама кричала на девушку, ругалась и била её).

Она пыталась найти работу. Некоторые виды труда ей были даже по душе, но и платили мало, и относились не лучше, чем мать. Все спрашивали, «не наркоманка ли она, часом». Ей становилось грустно и сразу хотелось чего-нибудь выпить, съесть или ввести шприцем. Ей уже стало казаться, что грусть, с которой она живет, никогда никуда не денется. Что с этой грустью ей придётся жить, но подвернулся счастливый случай!

Друзья предложили ей продать несколько горсточек того, что можно есть, пить или вводить шприцем. Она обрадовалась, потому что поняла, что так сможет заработать для себя и сына денег.

Представила, что сможет нанять сиделку для сына, а не отдавать маме. Она тогда утёрла бы нос всем! И тем придуркам, что обзывали её наркоманкой, и матери!

Ей удалось продать немного горсточек, на которые она купила машину на пульте управления для сына! Купила крутой телевизор для крутых мультиков! Купила себе классный телефон! Больше она ничего не купила, потому что села в тюрьму от четырёх до восьми. Точнее, сразу на восемь. Сиделку нанять она не успела. Сделать хоть что-то в жизни полезное тоже не успела.

Сын, которому на тот момент было 6 лет, отправился в детский дом на тот же срок в 8 лет. Мальчик стал испуганным. Ему было страшно впервые оказаться без мамы. Ещё он злился. На всяких неизвестных ему ранее тётек, которые его забрали от мамы. На маму, которая бросила его здесь. Он стал искать кого-то, к кому ему можно было приткнуться.

Мама тоже испугалась. И разозлилась. На всех. Ей было ужасно обидно, страшно, одиноко и больно.

Есть другая семья. Вообще, семей там (в детском доме) чуточку меньше, чем детей. Дело просто в том, что есть семьи, где не один, а два или три ребёнка.

Так вот, ещё семья. До появления третьего ребёнка все вроде бы было достаточно хорошо. Они жили в деревне, вдали от города. Им нравилось работать на местной ферме и ни в коем случае не участвовать в жизни города и всяких городских чертыханиях.

Фермер — добрый и хороший человек. Он платил им достаточно денег и давал им всяких продуктов. Отец и мать взамен чудесно ухаживал за землёй фермера. Делали всё, что умеют, и на том все были счастливы.

Потом случилось неожиданное, но логичное: фермер умер. Его сын продал ферму, и на её месте построили какое-то дорогое и бестолковое место. Семья оказалась без работы. Муж и жена испугались. Сперва выпили однажды. Протрезвели, глянули по сторонам. Поняли, что всё плохо. Выпили ещё раз. Стали муж и жена так много пить, что уже не смогли ухаживать за детьми. Работу найти не смогли. Точнее, работа-то была, но

далеко, в городе. Растерялись они, хоть и люди взрослые. А пока растерявшиеся были, уже и весь облик человеческий растеряли в попойках да пьянках. Так детей и забрали в детский дом.

Почему я это написал?

Я хочу показать, сказать, что до рождения ребёнка в большинстве случаев родители детей из детских домов были обычными родителями. Беднее. Менее образованные. С дурным и несчастным детством. Но не изверги, не звери или мучители. Во многих случаях истории их жизни были трагичны. Во многих случаях — явились отражением нашего времени. Такие же идиотские и полные грусти, как наше время.

Именно поэтому дети из детских домов искренне любят своих родителей. И тут совершенно нечему удивляться. Мы-то с вами, имеющие детей рядом, далеко не идеальны. Мы иногда думаем, что орать и бить детей полезно. Мы также полагаем, что кусок тряпки, скрывающий тело ребёнка, должен иметь определенную надпись. И тогда этот кусок становится сакральным, и тогда эту тряпку нельзя рвать или обмазывать грязью. Я к тому, что у нас с

вами тоже полно дурачьи. И дурачья эта чаще всего мало чем помогает детям.

Поверьте, до детского дома у ребёнка была жизнь. Он не упал с Луны. Он не вертелся на костре адского пламени. Он жил. Иногда с мамой и папой. Иногда с бабушкой или дедушкой. Или с тётёй, дядёй. В жизни его были и хорошие моменты тоже.

Искренне говорю, что я устал от абсолютов при представлении детей из детского дома. «Дети из детского дома — страшные монстры! Они бессовестные и ужасные!» «Дети из детского дома несчастны! Им пришлось много повидать и настрадаться за свою недолгую жизнь». И то, и другое — чушь.

Попробую пояснить. «Все врачи — халатные сволочи, которые только и думают, как с меня содрать денег!» «Все чиновники берут взятки и имеют миллионы». «Все полицейские садисты, которые ждут момента помучить меня». Этот список фабул можно продолжать бесконечно. Каждая из них — чушь.

Можно сколько угодно говорить о том, что родители этих самых детей, о которых идёт речь,

нехорошие, неудачные или что-нибудь этакое. Мне привычнее говорить о фактах. А факты здесь такие:

— все люди болеют, страдают от чего-либо или недостаточно хорошо справляются с чём-либо. Если у человека нет рядом поддержки, опоры или помощи, велика вероятность того, что он не сможет справиться с депрессивными или иными переживаниями,

— родители детей из детского дома не имеют цели убить или умертвить своих детей (иначе сделали бы попытку этого).

Знаете ли вы, как происходит процесс устройства ребёнку из семьи в учреждение? Несколько человек приезжают в семью. Видят, что условия содержания неудовлетворительны. Уговаривают родителей написать заявление и поместить ребёнка в учреждение, пока не поправят условия.

Дальше происходит самое чудесное: специалисты приезжают каждые сколько-то недель и месяцев. Смотрят. Если ситуация не меняется в течение полугода-года, то выходят на лишение родительских прав. Что в этом мне кажется «чудесным»?

Давайте разбираться. Есть семья. С детьми. Они живут так, как их научили, как могут, если можно так сказать. И вот это вот «могут», оно страшно зависит от экономической ситуации в стране, от психического состояния, опыта, условий проживания. То есть в сумме описывается категорией «социальная политика государства».

Далее. Люди, которые приходят проверять семью. Это люди, которым когда-то удалось получить образование (в том числе, благодаря родителям), устроиться на работу с достаточным доходом. Я уже не говорю, что у них в принципе есть опыт ведения домашнего хозяйства (уборки) и семейной жизни. И вот, эти люди смотрят на то, как живёт семья, и говорят: «Не должно так». Потом, после передачи ребёнка в учреждение, эти люди ждут, что семья умоет лицо студёной водой, глянет в чисто поле, и душа их проснётся. Они скажут: «Господи! До чего ж я докатился! Как же ж жить-то так мог! Хватит!» Такого, естественно, не происходит.

Нельзя не сказать, что в эту самую минуту, когда семья соглашается отдать ребёнка, все возможные службы, всё общество должны кидать все силы на помощь этой семье. А если нет, то для чего ждать

полгода-год? Логичнее сразу забирать ребёнка навсегда.

И я вновь пытаюсь сказать, что ребёнок в детском доме — не продукт «социального ужаса». Семья, у которой изъяли ребёнка, не похожа на людей из фильма ужасов. Но, как бы то ни было, ребёнок всё равно попадает в учреждение. Со своей историей, со своими родителями за пазухой, со своими друзьями в кармашке. Со своими страхами и мечтами.

В детском доме

Когда я устроился в центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, (проще и понятнее будет в детский дом) я завёл в блокноте несколько страниц под названием «Мои впечатления о детском доме». Само место символичное, яркое на слух, поэтому я понимал, что записей там будет много. Как оказалось, исписать мне удалось всего две страницы (блокнот формата А6). И то, что я написал на этих страницах, было очень противоречивым. С одной стороны, я боролся со стигматизированностью самого детского дома, с общественной установкой внутри себя (которую никуда не денешь). Этот образ, установка строились исключительно вокруг чувства жалости к детям, упования на несовершенство мира и системы.

С другой стороны, я не мог собрать воедино те разрозненные фрагменты, которые мне повстречались. Чувство беспомощности, неупорядоченности (хоть и я сам стал после первого года выстраивать в своей собственной жизни «режим»).

Например, в моих записях был такой пункт — «детей демонизируют». Имелось в виду, что граждане, не знакомые с жизнью и устройством детского дома, наивно полагают, что там живут ужасные монстры, но не дети. Моя запись говорила о том, что дети там «хорошие».

Следующая запись гласит: «Дети двуличны». Как-то вечером, часов в 9, я пошёл к одному из детей и стал свидетелем ссоры старшего и младшего детей. Старший отчитывал младшего. Матерился и угрожал побить. Я громко закрыл за собой дверь, привлекая внимание. Старший повернулся ко мне, улыбнулся и сказал: «Простите».

Остальные записи я разглашать не буду, сохраняя корректность и уважение по отношению к специалистам учреждения. К этим специалистам, кстати, я испытываю глубочайшее уважение.

Вам наверняка всё ещё интересно, как выглядит жизнь детей в детском доме, чем они занимаются, чего хотят, как выглядит исполнение обычных бытовых нужд.

Некоторая часть мифов верна. Например, старшие действительно обижают младших. Или, к примеру,

волонтеры действительно «испортили» представление детей о помощи взрослых, потому что дети всё время чего-то от взрослых ждут.

Другая часть мифов не верна. Особенно та, что касается воспитателей. Есть там взрослые «постоянные». Есть там те взрослые, что отдавали и отдают детям всех себя. Есть там такие, кто действительно живёт на работе.

Нет никакого смысла в подробном освещении жизни или устройства этого места. Вместо этого, хочется добавить: если придёт день, когда здравый смысл восторжествует и все эти средства (финансовые, методические, физические) бросят не на Центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, а на приёмные семьи, создав тем самым кластер профессионалов, воспитывающих детей, я буду рад. Если я узнаю, что детские дома (то есть центры) решено закрыть, я буду рад.

Все ещё в детском доме

На уровне государственной политики задается вопрос, хотят ли дети, находясь в детском доме, попасть в приёмную семью. Вопрос этот я хотел бы разрешить раз и навсегда, разобрав желание (или нежелание) детей разного возраста уходить в приёмную семью, и влияющие на это механизмы.

Дети от рождения до 3 лет

Тут все довольно прозрачно и обусловлено напрямую инстинктом выживания. Ребёнок не «хочет или не хочет», а не имеет другого пути выжить, кроме как следовать за взрослым. Несмотря на довольно внушительный возраст, указанный мною выше (3 года), этот инстинкт все ещё имеет право быть.

Механизмы

Есть, правда, одна интересная деталь. Многие дети, будучи двух, трёх и четырёхмесячными от роду, тоскуют и скучают по родителям. Можете видеть в этом эзотерику или почитать чудесную работу Каролин Эльячефф.

Дети от 3 до 7 лет

В принципе, то же самое. Желание пойти в семью может не быть при прямом вопросе: «Хочешь ли ты в семью?» Но после даже непродолжительного знакомства с человеком ребёнок соглашается.

Механизмы

Тоска о собственных кровных родителях может быть очень сильной и проявляться в нежелании общаться с потенциальным приёмным родителем, безобразном и капризном поведении, кожных и респираторных заболеваниях (как острых, как и вялотекущих).

Дети от 7 до 13 лет

С этого возраста дети всерьёз фантазируют. Как о семье приёмной (какая эта семья будет

замечательная), так и о семье кровной (какая семья БЫЛА замечательная). От этих двух фантазий зависит ответ на прямой вопрос: «Хочешь ли ты в приёмную семью?»

Механизмы

Огромную роль играет опыт. Если ребёнок к 11 годам дважды был в приёмной семье, то построить отношения будет непросто. Наверняка при вопросе: «Хотел бы ты в семью?» — ребёнок ответит категоричное «нет». Здесь и далее крайне важный момент: нежелание ребёнка идти в семью по причине удручающего опыта не является причиной для прекращения попыток его устройства в семью.

Что мы делаем с жертвами насилия, которые отказываются вступать в близость, апеллируя к негативному опыту? Всё верно: мы занимаемся терапевтической работой. Тут то же самое.

Отказ идти в семью, вызванный «ожиданием возврата в кровную семью», — вещь куда более серьезная.

Если есть хоть одна возможность действительного возврата в кровную семью, нельзя строить долговременных планов на совместное проживание с ребёнком. Единственный вариант приёмной семьи в таком случае — опека как временная форма устройства ребёнка, пока родители не смогут вернуть.

Это, кстати, и есть то самое искреннее «хочу помочь несчастному ребёнку, живущему в детском доме». К слову, ребята в такой ситуации действительно несчастны. Они ждут, когда их, наконец, заберут.

Я даю кров, еду и заботу, чтобы ребёнок не жил в системе. В таком случае важно дать понять ребёнку, что вы искренне не пытаетесь отрезать ребёнка от родителей. Вы хотите, с одной стороны, дать себе возможность проявить себя как заботливый воспитатель, подарить кому-то нежность и труд, а, с другой стороны, получить взамен понимание, что одному ребёнку вы помогли. И нет тут речи о «старости» и «стаканах».

От 14 до 18 лет

В одном фильме сказали хорошую фразу, правда, о воспитании девочки: «С девочками все просто, но в определённом возрасте внутри у них что-то словно щёлкает, и превращаются они в монстров».

Такая фраза из кино может быть применима и к мальчишкам. У них тоже что-то происходит, и они становятся вредные и противные.

Вот, смотрите, все знают о желании подростков не зависеть ни от кого. Все знают о стремлении подростков делать только то, что им заблагорассудится. И эти два стремления (опять же, нужные с точки зрения биологии) просто необходимо учитывать, когда мы задаём вопрос, хочет ли подросток в приёмную семью. Конечно же, НЕ ХОЧЕТ. Потому что подростку хочется не стать чьим-то сыном или дочерью, а быть нужным. Потому что подростки как никто другой чувствуют эту грань между «я хочу помочь детям» и «я хочу побыть родителем». Грань эта формулируется вокруг того, с чего мы начали: мотивации.

Подросток пойдёт в семью, если взрослые люди, с которыми он станет жить, будут его друзьями, станут кем-то дорогим для него. Если я, взрослый, зайду в детский дом и крикну, словно ища рабочих на стройку: «Кто со мной в приёмную семью? Нужно трое», вряд ли кто-то откликнется. А если я приду волонтером или наставником, если найду среди детей друга, будучи кем угодно, тогда я «уговорю» подростка идти ко мне в семью.

Вопрос-то не в том, чтобы правильно выстроить систему психологической подготовки детей к приёмной семье в учреждении, а в том, чтобы выработать адекватное поведение потенциального приёмного родителя, способствующее нужной позиции ребёнка.

Итог. Говорить о том, хочет ли ребёнок (любого возраста) отправиться в приёмную семью, — не корректно. Внешнее (манифестируемое) желание или нежелание ребёнка отправиться в семью зависит от возраста (чем младше ребёнок, тем меньше он проявляет нежелания идти в семью), основано на опыте (если ребёнок был пять раз в приёмной семье и от него отказывались — он всё равно хочет в семью, хоть и говорит обратное) и на

отношениях с кровными родителями (если он ждёт возвращения в семью, сложно).

О семье

Знакомство с ребёнком

Все необходимые процедуры пройдены: вы прошли ШПР, получили заключение опеки, и вас внесли в базу. Вы нашли ребёнка и поехали знакомиться.

Брать ли подарки? Возьмите, если очень хочется. Но не стоит покупать что-то дорогое (телефоны, планшеты, золото). Купите конфет, в конце концов. Сводите в кафе ребёнка. Главное, что тут нужно помнить: сохраняйте адекватность. Если ваше финансовое положение способно безбедно прокормить небольшое государство, не стоит

покупать ребёнку весь кинотеатр или торговый центр при первой встрече. Остановитесь на мороженом, куске пиццы и газировке. А из подарков привезите мяч или скакалку (ну, это я образно).

Что ещё взять с собой? Полезно будет взять фотографию вашей семьи. Познакомьте ребёнка с ними, покажите, как они выглядят, расскажите, чем увлекаются. Это станет хорошей первой ниточкой. Детям это нравится. Они любопытны до взрослых жизней, и если не навязываться, а рассказать о своих родных как бы между делом, то выйдет неплохой диалог. Можно, если у вас есть собственные дети, спросить у ребёнка в детском доме: «Чем увлекаешься?» А потом, дождавшись его ответа, сказать: «Ой, а моя дочь тоже это любит (сын, племянник и т. д.)».

Что говорить о приёмной семье? Правду. Начать всё общение нужно так.

Вы подходите к ребёнку, здороваетесь. Затем говорите: «Меня зовут А. Я приехал сегодня, потому что очень хочу стать приёмным родителем. Я увидел твою фотографию, и ты мне очень понравился(-лась). Давай познакомимся с тобой,

пообщаемся N дней (сколько у вас есть дней), и оба примем решение. Сейчас тебе не нужно принимать решение, у нас есть время пообщаться и узнать друг друга».

Иными словами, в двух-трёх предложениях вы можете рассказать ребёнку правду о цели вашего визита, о времени и конечном принятии решения. То, что вы скажете ребёнку, будет видоизменяться в зависимости от ситуации с кровными родителями, от количества братьев и сестёр (если детей сразу трое, логично сказать несколько иное).

Брать ли ребёнка на выходные? Нет. Вообще, с гостевой формой устройства есть свои сложности. Мне слабо представляется, как можно за несколько дней сложить какое бы то ни было впечатление о ребёнке. Как можно за выходные или праздничные (каникулярные) дни ответить, хотя бы себе, сможем ли мы ужиться с ребёнком. Вы будете напряжены и не покажетесь ребёнку «во всей красе», ребёнок будет чувствовать себя так же и аналогично не сможет вам обеспечить представление себя.

Совет: при выборе ребёнка ориентируйтесь больше не на внутренние свои чувства и фантазии,

а на здравый смысл. Если вам 53 года, вы сможете ухаживать за новорождённым? А если вам 25 вы сможете удержать авторитет и границы с 17-летним подростком?

Мы приезжаем домой

Документы готовы, и вам разрешили ехать с ребёнком домой. О чём нужно помнить, что делать, а чего лучше не делать? Как подготовить дом и членов семьи?

Что должно быть, и чего не должно быть в доме?

Дом или квартиру все хотят подготовить к появлению ребёнка. Это хорошая и интересная процедура. Можно всем вместе (вы, супруг или супруга, кровный ребёнок) определиться с местом для сна приёмного ребёнка, местом для игр или уроков. Прекрасная объединяющая процедура! Самое главное, что в процессе такой подготовки до

всех, даже самых упёртых членов семьи дойдёт, что скоро состав семьи изменится.

Совет. Не спешите оформлять комнату и делать полноценный ремонт (если речь об отдельной комнате). Самый классный вариант: нейтральный пол, крашенные белые стены, деревянная мебель. Супернейтральный унисекс вариант.

В доме, как это странно бы ни звучало, не должно быть большого количества все время меняющихся людей. Вы любитель большой праздной компании? Забудьте об этом на время. На какое? Сами поймёте.

Родственники (близкие!) могут вместе с вами привезти ребёнка в дом. Новоиспечённые бабушки и дедушки могут быть, конечно же, с вами.

*

Пример 1.

Семья с двумя приёмными детьми. Изначально настроены, что будут воспитывать самостоятельно, без помощи бабушек и дедушек. Тем более, отношения с родителями не лучшие. Спустя полгода выясняю, что одна из бабушек переехала к

ним жить на постоянку. Это не пример того, что люди не справились. Это абсолютно нормальная ситуация.

Пример 2.

Женщина берёт крошечного ребёнка в семью. Живёт с мамой. Убеждена, что вдвоём они чудесно справятся. Год спустя переезжает в отдельное жильё с ребёнком (сохраняя хорошие отношения с матерью).

Это примеры того, как меняется структура семьи с появлением ребёнка. Есть примеры другие, более грустные. Их я не привёл по следующим соображениям: в плохих примерах изменения структуры семьи (уход мужа/жены, расстроенные отношения с кровными детьми/родственниками) всегда можно увидеть отсутствие сопровождения и поддержки со стороны специалистов. Люди попросту не обращались за помощью.

*

В доме не обязан случиться праздник по поводу приезда ребёнка. Это может быть рядовой день. Да, будет полезно испечь торт, приготовить

небольшую программу на день, чтобы рутинной быта в лоб ребёнка не прибить.

Как готовить родных и себя?

Ко всему сразу готов не будешь, это наверняка. Невозможно иметь чёткие инструкции по действиям в ЧС, которые подойдут для какого-то универсального ребёнка.

Но есть всё же несколько моментов, которые знать необходимо.

Во-первых, будет случаться, что вам захочется отпрыгнуть от ребёнка, отпихнуть его подальше от себя. Это нужно заранее понимать и не устраивать самому себе потом истерику — «я ужасный человек».

Во-вторых, нельзя торопиться. От вас требуется еда, кров, одежда и терпение. Торопиться — чревато провалом. Требовать от ребёнка на

следующий день отвыкнуть от чего-то старого — невероятно.

В-третьих, нужно проговорить несколько моментов сразу же. Скажите о том, как вас можно называть. Обычно фраза звучит так: «Ты можешь называть меня Алексей. Тебе не обязательно называть меня папой, но, если ты так меня назовёшь, я не буду возражать».

Затем нужно рассказать о том, что делать можно и чего делать нельзя. Например, на столе в гостиной у вас всегда стоит тарелка с фруктами. Можно ли их есть всегда? На кухне лежат конфеты. Можно ли их брать, когда захочется? Можно ли брать что-то из холодильника? Можно ли брать ваши вещи?

Полезно было бы провести ребёнку экскурсию с объяснением основным правил.

Но! Тут есть очень важный момент. Вы и члены вашей семьи привыкли ко всему, что есть в доме.

Большинство основных моментов жизнедеятельности вашей семьи функционирует по принципу давно известных правил. Например, вам нравится вид тарелки с фруктами на столе.

Ваши дети привыкли к этой тарелке и к фруктам вообще. И, что самое главное, они знают, что кушать эти фрукты можно ТОЛЬКО ПОСЛЕ ОБЕДА. Вы уже не одёргиваете их всякий раз от этой тарелки. Они привыкли и терпят.

Другое дело, ребёнок новый, впервые наблюдающий эту тарелку. Я сейчас не пытаюсь сказать, что дети в детдоме фруктов не видели. Они их каждый день едят. Но! Им выдают фрукты в определённое время, на руки в определённом количестве. Понимаете, к чему я?

К тому, что нет у них (детей в детдоме) умения самостоятельно или с чьей-то помощью выстраивать вот такие вот пищевые правила и режимы.

Поэтому во избежание недоразумений я бы не рекомендовал играть в сверхпотворство. Этот стиль (делай всё, что захочешь) ничего общего не имеет с добротой. Добрый взрослый старается не залюбить ребёнка, а помочь, поддержать. Поддержать в соблюдении правил, в том числе.

В-четвёртых, нужно отметить ещё кое-что. Нужно рассказать ребёнку не только о правилах гласных,

но и не гласных. Например, куда вы выбрасываете туалетную бумагу? Я серьёзно. Как вы обходитесь со стриженными ногтями? Выбрасываете в мусор, смываете в унитаз, сжигаете (Бог его знает)?

Поймите, вы привыкли ко всем тонкостям и нюансам вашего быта. Более того, вы их придумали!

У меня есть такая шутка со смыслом. Я предлагаю родителям такую мысленную игру: представьте, что сегодня я приду к вам жить. Вот прямо сейчас. Дам, конечно, время на уборку и прочее. И тут мы часто начинаем ходить по кабинету, и они мне рассказывают, что и как устроено. Второй этап (с особо упёртыми, эта часть делается в первую очередь) — вы приходите ко мне. И тут мне уже не сдержаться — оторваться можно как следует.

Одна знакомая семейная пара поехала в США к друзьям. Встретили их хорошо, устроили в гостевом домике, дали еду и даже пижамы. В общем, отнеслись как к своим. Настала ночь. Хозяйева легли спать, а гости из-за разницы в часовых поясах уснуть не смогли и решили принять душ. Битый час они бились, пытаясь настроить воду на чуть более тёплую. Ничего. Жутко расстроились

ребята и стали ждать, когда хозяева проснутся. Утром выяснилось, что смеситель в душе абсолютно «не русский» и крутить его нужно иначе. Извинились хозяева, что не рассказали сразу.

Описанное — мелочь, пустяк. Ну не приняли душ в тот же час, что захотели, ну и что? Я пытаюсь показать на самых пустяковых примерах, что объяснение того, о чём в вашей семье все прекрасно знают, — нужное и полезное дело. Чем старше ребёнок, тем важнее это сделать.

Прошло некоторое время

Если у вас ещё нет приёмного ребёнка, придётся представить. Если ребёнок есть, вспоминайте или оценивайте следующую ситуацию.

Вы прожили с ребёнком вместе некоторое время. Специально не устанавливаю точные цифры в год, полгода, два года и так далее. Почему? Да потому

что так называемый процесс адаптации — вещь чрезвычайно условная и ненормированная. Знаю, что в книгах (безусловно, умных) пишут год. В других — два года. Но, честно сказать, это абстракция и враньё. Ну не скажет вам никто, сколько будет длиться этот самый процесс адаптации. Не скажет, потому что зависит это от трёх факторов:

- ребёнка,
- взрослого,
- семьи.

От особенностей характера каждого из трёх звеньев, личной истории, структуры общения и т. д.

Оценивать процесс адаптации в цифрах — все равно что сказать человеку, покупающему Солярис (автомобиль): «Вам потребуется замена подвески только через 30 лет!» А если этот покупатель будет ехать домой каждый день через дремучий лес? На Солярисе! Вот то-то и оно.

Поэтому, расслабьтесь. Процесс адаптации долгий и сложный. Этого в хронологическом исчислении достаточно.

Что будет происходить с ребёнком?

Ребёнка будет колбасить. Из ребёнка ползет всякое. И ко всякому нужно быть готовым.

Сперва ребёнку покажется, что вы самый идеальный человек, которого он только встречал в своей жизни. Ему будет казаться, что с вами он сможет быть счастливым.

Затем ребёнку покажется, что вы исчадие ада, что вы мелочный человек, что единственной вашей целью является финансовая нажива, что до самого ребёнка вам нет никакого дела.

*

Описанное выше типично для личностей любого возраста, перенёсших серьёзную травму. Последствия травмы (особенно длительной) накладывают на человека отпечаток. Если травма или иное негативное воздействие на человека продолжается довольно долго, велика вероятность развития личности пограничной. Эти люди здоровы психически, но их поведение не всегда можно назвать нормальным. Даже в деловом общении то и дело выскакивают вещи необычные и странные.

Например, вы прекрасно общались с человеком, дружили, а потом БАЦ — он не здоровается с вами. Объясняет свое поведение чем-то вроде «мне рассказали, что ты рассказывал кому-то про меня гадости». Вы, разумеется, понятия не имеете, что происходит.

На самом деле все довольно просто: такой человек не может видеть мир серым. Что значит видеть мир серым глазами ребёнка? Да, этот взрослый заботится обо мне; ежемесячные выплаты помогают ему в этом; этот взрослый хочет мне помочь, но не всё у него получается и не всё он умеет. Такой способ видения мира, по идее, — норма.

Человек, имеющих серьёзный травматический опыт видеть мир черно-белым: это такие качели от «рядом со мной лучшая мама на свете» к «ненавижу вас, упыри старые». И, согласитесь, такое видение мира не норма. Но и патологией такой способ мышления не назовёшь. Вот и говорят — пограничная личность.

*

Ребёнок будет метаться.

Он станет усиленно вспоминать свой опыт жизни с родной матерью (или с другим взрослым, с которым прожил долгое время). Он станет постоянно сравнить вас с этим другим взрослым. Будет сравнивать молча. Будет сравнивать вслух. И это будет неприятно.

Внутри у ребёнка будет разрываться огромный снаряд, разрывающий всю его душу: «Я люблю свою маму, поэтому я не могу любить этих людей!»

Этот внутренний взрыв, эта душераздирающая мысль будет мучать ребёнка, заставляя его провоцировать вас на грубость, холодность, крики. Ребёнок снова и снова станет доводить вас до белого каления, чтобы убедиться: «Ну вот, мымра, твоё истинное лицо!» (возвращаемся к предыдущему пункту).

Самое главное: поведение ребёнка в такой ситуации не осознанное. Если ребёнок бросает вам в спину «я ненавижу тебя», лучше молча пройти дальше (если нет причин для того, чтобы успокоить ребёнка).

Что будет происходить с вами?

Вам захочется бросить всё и уехать к Агафье Лыковой. Захочется стать лёгким облачком и улететь куда-нибудь, где можно круглый день парить над зелёным лугом и изредка поливать его дождём.

Вам захочется запустить какое-нибудь экспериментальное лекарство в голову ребёнка, чтобы запустить мозги, ибо работать они будут не самым лучшим образом.

А ещё (об этом пишут и говорят не так часто) вам захочется вернуть ребёнка. Собрать все его вещи, прийти в опеку и вернуть. Такое, к великому удивлению не имеющих приёмных детей, случается часто.

Ошибки

Нельзя устроиться на работу, не имея опыта работы. Но нельзя получить опыт работы, не устроившись на работу.

С самого с 2010 года, с того времени, что я начал практиковать как психолог, я то и дело попадал в ситуацию, когда мои советы не слушали, потому что... Потому что недостаточно старый (я), недостаточное количество детей (какое количество является достаточным — не известно), нет приёмных детей и так далее. Это, друзья мои, называется сопротивление.

Когда я только начал вести ШПР, то попался на одну из самых распространённых ловушек. Эта ловушка во многом похожа на знаменитую «уловку 22». В одноименном романе развернулась дилемма: чтобы прекратить полеты, пилоту нужно было написать заявление о собственной невменяемости; но подобное заявление не может написать человек невменяемый.

Так вот, ловушка. На одном из первых в своей жизни занятий для будущих приёмных родителей, году этак в 2011, одна женщина сказала мне: «Как я могу слушать ваши рекомендации, если у вас нет собственных детей?»

Я, естественно, ответил ей то, чему нас учили. Рассказал ей, что психология — наука, и, какая к

черту разница, кто я и что я, если берусь НАУКУ изучать. Не убедил женщину.

Подобных вопросов, конечно, было немало. В 2017 у меня-таки родился сын, и я подумал: «Ну всё, теперь фиг вам, не будете вопросы такие задавать!»

Стоп. Я, конечно, понимал, что природа таких вопросов не имеет со мной ничего общего. Что пусть я буду хоть... Да, не суть.

Так вот, в году 2017 же на занятии одна женщина снова сказала мне за детей. Я гордо (в меру) парировал, что, мол, есть уже! И жду реакцию.

А реакция потрясающая.

Женщина говорит: «А приёмные есть?» От неожиданности я заямлил. «Вооо, то-то же! Как я могу советы ваши слушать, если у вас приёмных детей нет?»

Что, вы думаете, я сделал?

Позвал приёмную маму с опытом воспитания семерых детей. То есть, попался в ловушку окончательно.

Что вы думаете, сказала эта женщина?

Правильно. Она послушала приёмную маму, поговорила с ней (в группе, на занятии). Потом, на следующей встрече сказала: «Ну, вы привели женщину, которой с детьми не повезло просто. Вы специально так».

Так вот. Что это за ловушка. Все, кто заканчивал вуз, помнят это: нельзя устроиться на работу без опыта работы, но, чтобы получить опыт работы, нужно устроиться на работу.

Тут примерно так же. Что бы ты ни делал как специалист, каким бы ни был, найдётся что-то, что «не так». Людмила, вон, Петрановская. Всё вроде бы «так» говорит и пишет. На тебе! Говорю одной женщине: «Ну, почитайте Петрановскую, складно пишет». Она мне плюётся: «Да ну, что б эту!» Потом выяснилось, что Людмила на каком-то семинаре (или ещё где) позволила себе довольно вольное суждение в адрес детей из детского дома.

Страхи и опасения

Генетика

Одно из самых распространённых опасений и страхов заключается в том, что ребёнку могут или передаться по наследству разные дурные привычки, наклонности и пристрастия. Появление таких страхов и опасений вполне логично: родители ребёнка лет двадцать пьют, в лучшем случае, водку, а в худшем — боярышник. Ребёнок и внешне на них похож, и в каких-то мелочах, в повадках. Где вероятность, что за рюмкой не потянется?

И вот с таких рассуждений родители начинают свою «охоту на ведьм». Сперва по-доброму, из серии «я из тебя любовью изгоню всю бесовщину». Тогда они бросаются всем самым замечательным ребёнку окружить, все самое чудесное ребёнку дать, чтобы в сторону «плохого» ребёнок и не посмотрел.

Но ребёнок растёт. Ребёнок становится старше и выходит на улицу. Там ему предлагают выпить, потому что так полагается. Он выпивает, потому что человек устроен делать так, как полагается у остальных. И вот, выпившим приходит домой. Родитель смотрит на своё чадо, руками разводит, говорит: «Что ж ты, скотина, творишь-то? Я тебя всем чудесным окружил, сказки про козлят читал до пятнадцати, а ты, сволочь, выпившим приходишь!» И делает родитель тогда вывод самый прямой и неверный: гены. Родитель так и говорит: «Кровь у тебя, дружок, поганая. Была бы моя — хрен бы ты захотел пить да плясать. Я с твоих годов уже работал во всю и черти чем ни занимался!»

И приглядывается родитель в ребёнка приёмного и понимает, что дурь, какая бы она ни была, ну просто не может быть от НАС! Она, дурь эта, от НИХ! От тех алкашей, да прости Господи, свободолюбивых дам. И начинается своего рода Карго культ вокруг мифического «генетически передающегося» поведения. Родитель разочаровывается окончательно во всём вокруг. Опускает руки и вздыхает: «Ну что поделать, какие

родители — такой и ребёнок». Имея в виду, разумеется, родителей кровных.

Как обстоят дела на самом деле? Да, есть нечто передающееся по наследству. Например, рост. Или цвет волос. Овал лица. Особенности нервной системы. К последним можно отнести пресловутый темперамент.

Есть передающиеся по наследству заболевания или предрасположенности к некоторым из них. К слову, вопрос с психотическими расстройствами до сих пор открыт в науке и вызывает дискуссии.

Вот, собственно, и всё. В перечисленном нет пункта «желание вступить в беспорядочные половые связи» или «стремление употреблять наркотики». Нет этих пунктов лишь потому, что подобные упаднические формы поведения не передаются по наследству. Как не передаётся и непослушность, дерзость и прочее.

Расскажу историю. В 2015 году я переехал в Калининград. В этом городе я знал на тот момент четверых. Так вот, во второй же день моего пребывания в городе во время прогулки я только и делал, что успел одёргивать себя от приветствия

тому или иному лицу. То там мне показался давний знакомый, то там. То вот перед собой вижу приятеля с Кемеровского университета! Приглядываюсь, да нет, вроде не он.

Почему так происходит? Наш мозг работает в стереотипах. То есть, когда я знаю, где выключатель, мне не нужно тратить силы на то, чтобы его найти. Я могу включать и выключать свет на автомате. Потому что мозг (как и весь наш организм) ужасно ленивый.

Выйдя в совершенно незнакомый город, мозг пытается по привычке формализовать окружающее и окружающих. Именно поэтому я видел столько как будто бы знакомых.

Я думаю, что в ситуации с приёмным ребёнком происходит примерно то же самое: я вижу некоторые клише, триггеры в поведении ребёнка и продумываю происходящее: так, ребёнок делает вот это вот, вероятно, будет делать вот это в дальнейшем.

Вывод: думайте. Не пускайте происходящее на самотёк. Сомневайтесь и анализируйте.

Не смогу полюбить

О любви немало книг написано. Есть даже разные научные или околонучные трактаты о любви.

Правда в том, что никто так ещё и не смог сформулировать внятно, что к любви относится, а что ею не является.

В один из первых годов практики я работал совместно с полицией по делу об инцесте. Там мама и сын любили друг друга, по мнению закона и общественности, не правильно.

Я видел, как отец бьёт своего сына до переломанных костей. Бьёт так сильно, потому что любит его и боится, что потеряет в дурной компании.

Я видел, как мать любит своего новорождённого ребёнка. Любит так сильно, что хочет спасти от нищенской своей жизни и бросает едва родившегося в топку печи своего дома. Видел, как другая мать варит своего ребёнка. Она утверждала, что любит его.

Вас наверняка ввергли в недоумение мои слова о любви и всех этих издевательствах над детьми. Все

эти случаи, шокировавшие меня при встрече, говорят нам о любви. Или всё же не говорят? Если нет, то почему?

Почему если я отдаю свою дочь на гимнастику в 4 года и, наблюдая, как она в свои 11 страдает от невроза, заставляю её и дальше приносить победы, я заботливый родитель, который заботится о будущем своего ребёнка. А в тот момент, когда я бью своего ребёнка за двойки, то я злой и жестокий?

Что вообще значит «любить своего ребёнка»?

Большинству наверняка известен недавний идиотизм в фильме «Временные трудности». Это любовь к ребёнку?

Именно поэтому я снова задаю вопрос: «Что значит любить ребёнка?»

Когда очередной приёмный родитель говорит мне: «Я боюсь, что не смогу полюбить его как своего», я не понимаю этот вопрос. Точнее, я слышу этот вопрос в несколько ином свете: «Что будет, если моё отношение к ребёнку не изменится?» То есть, слыша вопрос: «Смогу ли я полюбить приёмного

ребёнка как своего?», я понимаю, что у родителя есть некоторые чувства, сомнения, (возможно) предубеждения относительно приёмного ребёнка. И родитель спрашивает себя и меня, будет ли так всегда. Настанет ли тот день, когда я посмотрю на своего приёмного ребёнка и посмотрю на него как на отличного и замечательного априори? Смогу ли я безусловно гордиться им?

Лично мой опыт говорит в пользу варианта «нет». То есть в условии, когда я изначально ставлю своё отношение к ребёнку в некоторую зависимость от его успешности и «пользы» (школьная успеваемость, поведение, употребление сигарет и т. д.), я не иду дальше той самой идеализации, о которой мы всегда говорим.

Пример.

Семья из мужа и жены. Очень активные и полные сил. Молодые. О будущем сыне говорят охотно, фантазируют о совместных походах, рыбалках, охотах и занятиях музыкой. С появлением ребёнка говорят о том, что «сразу же его полюбили». Иными словами, они полагают, что тот ребёнок, которого они взяли в семью, отлично подходит для реализации их фантазий. Отношения сильно

портятся, когда ребёнок утверждает спустя четыре года (ему становится 10), что эти рыбалки, походы и пение ему не нужны. Что хочет он сидеть в телефоне.

Именно поэтому я говорю о том, что страх «я не смогу полюбить своего ребёнка» — это, скорее, сообщение о вероятной идеализации, нежели тревога о том, станет ли приёмный ребёнок своим.

Будет хотеть обратно в детский дом

Я часто слышу такой вопрос: «Что делать, если приёмный ребёнок хочет обратно в детский дом?» Затем чаще следует такое предположение: «Ребёнку, значит, у нас не понравилось, а там ему было лучше».

Желание приёмного ребёнка вернуться в детский дом можно объяснить, не прибегая к специальным знаниям или терминам. Оно на поверхности и не более. Ребёнку действительно может захотеться обратно, так сказать, по привычке. Потому что там он всё знает и ко всему привык. Потому что он

знал, что будет сегодня и завтра. Потому что он понимал, что от него хотят и что ему делать нельзя. Он понимал, как себя вести, чтобы привлечь к себе внимание. Он понимал, как себя вести, чтобы его оставили в покое. Он понимал, как общаться с взрослыми.

Когда этот же ребёнок попадает в семью, все эти знания рушатся. Он продолжает вести себя так же, как раньше, чтобы привлечь внимание, но вместо желанного внимания со стороны взрослого, получает негодование. Взрослый не понимает, почему для ребёнка сложно подойти и сказать: «Почитай мне сказку» — или — «Поиграй со мной». Взрослый не понимает, почему вместо этого ребёнок кричит и наводит ужас дома. Взрослый берет ребёнка за руку и спрашивает его: «Что с тобой?» А ребёнок молчит.

Именно поэтому ребёнку может захотеться обратно в детский дом, как в среду знакомую и понятную. Это не будет ударом в спину взрослому. По сути, к взрослому это желание вообще никакого отношения не имеет.

Можно объяснить желание вернуться ещё и страхом установления близких отношений, страхом и тревогой перед привязанностью.

Можно объяснить такое желание смешанными, спутанными чувствами ребёнка по отношению к приёмному родителю и своим кровным родственникам. Как сказал один мальчик: «Мне нравится тут (у приёмных родителей), но у меня есть мама, и я не хочу привыкать» (мама лишена родительских прав).

P. S.

Я писал эти записки бесконечно долго. Иногда казалось, что лучше бы я и не брался за эту идею. Иногда казалось, что ничего нового я не напишу, поэтому нет никакого смысла и начинать. Иногда, мне хотелось всё отовсюду удалить и забыть, что начинал.

Но потом я вспомнил о том, что опыт у каждого свой. Вспомнил о том, что рассказывать о слоне можно, одновременно описывая морду, лапу, хобот и хвост (то есть, можно говорить об одной и той же теме приёмных детей и родителей, но с другой точки зрения).

И, убедив себя в том, что пусть я не скажу ничего нового, но, возможно, хоть какая-то из моих мыслей окажется другой точкой зрения, — опубликовал.